

сти, сгустилъ его въ особую жизнь,—и оно у него конечно потускнѣло, стало безличнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за „желаніе блага“, если нѣтъ субъекта, который его переживалъ бы? Если этимъ субъектомъ признать разумное „я“, то приходится признать тождество этого разумнаго „я“ во всѣхъ людяхъ.

Пришлось этотъ шагъ сдѣлать и Толстому. Сначала для него разумное „я“, совпадающее у всѣхъ людей, сливалось съ понятіемъ „сына человѣческаго“, бывшаго для него реальнымъ носителемъ разума; но потомъ это понятіе исчезло у Толстого, и его мысль шагнула дальше. Разумное „я“, открывающееся въ человѣкѣ, по своему *содержанію* не только тождественно у всѣхъ людей, но оно совпадаетъ и съ тѣмъ, что есть въ Высшемъ Существовѣ—въ Богѣ. Этотъ ходъ мыслей, непосредственно приводящій къ пантеизму, былъ неизбеженъ для Толстого, разъ онъ отрывалъ разумное сознаніе отъ личности. Вотъ что дѣйствительно мы читаемъ въ трактатѣ „Христіанское ученіе“: „*Существо* ¹⁾), которое открывається человѣку его сознаніемъ (самосознаніемъ В. З.), рождающееся (!) существо есть Богъ“. Такимъ образомъ „человѣкъ въ своемъ отдѣльномъ тѣлѣ ²⁾ сознаеть духовное и *нераздѣльное* (?) существо Бога“. Вотъ еще отрывокъ изъ метафизики Толстого, чрезвычайно напоминающій стоиковъ: „причина, которая для какихъ-то недоступныхъ человѣку цѣлей, заключила себя—желаніе блага всему существующему, любовь—въ отдѣльные существа,—есть *тотъ же* Богъ, котораго человѣкъ сознаеть въ себѣ“. Такова пантеистическая метафизика Толстого. Выдѣленіе внѣвременныхъ и универсальныхъ переживаній, сгущеніе ихъ въ особую жизнь, сначала безличную („желаніе блага, желаемое само по себѣ“), подысканіе потомъ субъекта для этой высшей жизни, который оказывается общимъ у всѣхъ людей, признаніе „сына человѣческаго“, какъ реального носителя этого универсальнаго разума, перенесеніе этого субъекта въ Бога и наконецъ признаніе, что Богъ, Единое духовное существо, „раздѣлилось“, раздробилось

1) „Высшая жизнь“, выдѣленіе которой мы только что описали, сгущается здѣсь уже въ „существо“.

2) Читатель могъ бы заключить, что принципъ индивидуальности, по Толстому, данъ въ матеріи, въ тѣлѣ, но напомню ему совсѣмъ инныя, поистинѣ глубокія страницы, цитированныя уже нами. (Изъ трактата „О жизни“).